

«очень долгого периода обдумывания и всесторонней подготовки», который, как полагает В. Л. Комарович, предшествовал «осуществлению проекта в 1382 г.»,⁴⁵ никакой возможности не было.

Если бы, с другой стороны, при повышении Дионисия имела какое-нибудь значение Лаврентьевская или подобная ей летопись, соответствующая ссылака — в качестве одной из мотивировок решения — обязательно была бы сделана в патриаршей грамоте. Грамота эта сохранилась, и такой ссылки там нет.⁴⁶

Обратим также внимание на то, почему объяснение В. Л. Комаровича казалось неубедительным А. Н. Насонову: «Для доказательства прав на архиепископию, — пишет он, — потребовалась бы, вероятно, летопись, переходившая за 1305 г., так как в начале XIV в. еще не существовало ни Нижегородско-Суздальского княжества (оно возникло в 1341 г., — Г. П.), ни Нижегородско-Суздальской епископии. К тому же не следует забывать, что в записи Лаврентия прямо сказано, что начал писать он рукописную книгу „князю великому Дмитрию Константиновичу“».⁴⁷

Действительно, мы не имеем права гадать, для каких читателей предназначалась Лаврентьевская летопись. В январе—марте 1377 г. по инициативе Дионисия Суздальского она создавалась для великого князя нижегородского Дмитрия Константиновича. Стало быть, изготовленные редактором образцы самоотверженной, дружной, религиозно-подвижнической борьбы русских князей с татарами предназначались именно для него.

* * *

Для чего же нужно было епископу давать князю такого рода высокие образцы?

За три года до создания Лаврентьевской летописи, в 1374 г., началось, по выражению Рогожского летописца, «розмирие» Руси с татарами.⁴⁸ Инициатором «розмирия» выступила Русь, точнее говоря — конфедерация возглавляемых Москвой княжеств. Обстановка в Орде, раздираемой междоусобной борьбой, благоприятствовала освобождению Руси, но Русь этими обстоятельствами воспользоваться для решительных действий не смогла, так как сама она стала в 1375 г. ареной междоусобной, московско-тверской войны. Тем не менее княжеская коалиция, хотя и ослабленная и уменьшившаяся, сохранилась. Основу ее составляла «ось» Москва—Нижний Новгород, а кроме того, в нее входили подчиненная Тверь и, судя по всему, Рязань. 1375—1376 годы были временем неустойчивого равновесия в русско-татарских отношениях: «розмирие» продолжалось, мира и зависимости не было, но не было и войны. Мамай тем временем успешно объединял под своей властью половецкую степь и угроза для Руси росла.

Такова была ситуация ко времени начала работы над Лаврентьевской летописью. Но она существенно изменилась к концу работы. Дело в том, что в конце зимы 1376—1377 г. состоялся первый — первый со времен завоевания Руси! — поход русских на татар. В XIV в. это, собственно, и единственный наступательный поход, ибо выступление в 1380 г. на Куликово поле было оборонительным — навстречу наступавшему Мамаю.

Поход этот был направлен на вассальный Мамаю волжский город Булгар. Семь лет назад, в 1370 г., Дмитрий Константинович Суздальский, «собрав воя многы», посылал на Булгар «брата своего князя Бориса и

⁴⁵ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 95.

⁴⁶ См.: РИБ, т. VI, СПб., 1880, № 231, стр. 199—204.

⁴⁷ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 445.

⁴⁸ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, Пгр., 1922, столб. 106.